

Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода

Х.М. ВАЛЬДЕРА ХИЛЬ*

*Вальдера Хиль Хуан Мигель – кандидат социологических наук, кафедра социологии, Гранадский университет. Адрес: Rector López Argüeta St., 18.071, Granada, Spain. E-mail: valgil@ugr.es

Цитирование: Valdera Gil J.M. (2015) The Legitimation of Social Inequality in Soviet Ideology During the Stalin Era. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 29–59 (in Russian)

Предметом исследования данной статьи являются аспекты советской идеологии сталинского периода, связанные с социальным расслоением. Цель анализа – показать, какое влияние эта идеология оказывала на официальное отображение и легитимацию социальных неравенств, имевших место вследствие масштабных общественных перемен того времени: коллективизации сельского хозяйства, ускоренной индустриализации, централизованного планирования экономики и, в конечном счете, формирования новой социальной структуры. В настоящем исследовании мы применяем метод качественного анализа, разработанный испанским социологом Ф. Конде [Conde 2009].

В качестве материала для анализа мы взяли четыре статьи из «Краткого философского словаря» издания 1955 года под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина [Розенталь, Юдин 1955], впервые изданного в 1939 г.: «Класс “в себе” и класс “для себя”», «Классовая борьба», «Классы (общественные)» и «Классы в СССР». «Словарь» раскрывает официальное советское идеологическое мировоззрение, и анализ его статей поможет выявить процессы легитимации неравенства сталинского периода.

После качественного анализа четырех статей «Краткого философского словаря» мы пришли к выводу, что официальная советская идеология действительно стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем. Она стремилась доказать, что постоянный рост производительных сил, обеспечиваемый политикой социалистического планирования, должен в конечном счете обеспечить техническую и экономическую базу для перехода к коммунизму. В свою очередь, для развития этих производительных сил была необходима система материальных стимулов, создаваемая неравным распределением товаров и услуг.

Ключевые слова: социо-дискурсивный анализ, диамат, истмат, социальный порядок, трехчленная структура общества, «враги советского народа», коммунизм

Введение. Роль идеологии в процессе легитимации реальности

Ученые, занимающиеся вопросами социальной стратификации, как правило, имеют дело с измерением неравенства в различных его проявлениях. Очень часто их исследования посвящены изучению социально-профессиональных групп (и/или социальных классов), их положения на рынках труда, распределения доходов, межклассовой мобильности и т.п. В методологическом плане подобные исследования в большинстве случаев опираются на формальные подходы, предполагающие использование количественных данных (например, репрезентативных опросов населения) и, соответственно, различные статистико-математические методы их обработки (множественный регрессионный анализ, факторный анализ и т.п.). Однако процессы легитимации неравенства – не менее важный сюжет в стратификационной проблематике – зачастую не только оказываются вне поля зрения исследователей¹, но и не поддаются изучению перечисленными выше методами.

Бергер и Лукман [*Berger, Luckmann 1966*] определяют легитимацию как процесс, способствующий эффективной интеграции социальных субъектов, в результате которого действительность, в которой существуют эти субъекты, представляется каждому из них осмысленной и приемлемой. Легитимация необходима, поскольку с ее помощью из поколения в поколение осуществляется передача знаний о существующем институциональном порядке и тем самым – воспроизводство этого порядка. Так, например, А.А. Яковлев в одной из своих статей подчеркивает важность идеологии для укрепления советского строя. Коммунистические идеалы, которых придерживались большевики, играли важную роль в легитимации мер, направленных как на достижение социальной справедливости, так и в оправдании политики репрессий. Советский Союз не только на словах, но и на деле гарантировал доступ к образованию и медицинскому обслуживанию широким слоям населения, а также активно способствовал социальной мобильности представителей менее привилегированных классов. В то же время в соответствии с классическим методом «кнута и пряника» эти меры сопровождались усилением государственного контроля над информацией и преследованием идеологической гетеродоксии. А.А. Яковлев полагает [*Яковлев 2012, с. 162*], что успех коммунистической идеологии был во многом связан с ее способностью поддерживать устойчивую рамку убеждений и верований, способствовавшую разрешению потенциальных конфликтов между основными социальными субъектами. Кроме того, советская идеология представляла собой практически безотказный самоподдерживающийся механизм легитимации. С одной стороны, она поощряла исполнение пятилетних планов, чьи частные амбициозные задачи провозглашались элементами более общего плана по построению коммунизма. С другой стороны, выполнение поставленных плановых задач работало на укрепление самой идеологии и служило оправданием ее существования для советского народа.

¹ По мнению Р. Кромптон, «сколько-нибудь устойчивая структура социально-экономического неравенства не может существовать без определенной системы смыслов, оправдывающей ее существование» [*Crompton 1997, p. 7*].

Легитимация реальности является одной из центральных функций любой идеологии. Но что такое идеология? Ван Дейк определяет ее как «фундаментальные верования отдельной группы и ее членов» [Van Dijk 2003, p. 14]. В похожем ключе Г.И. Мусихин утверждает, что ядром идеологии являются верования и убеждения [Мусихин 2011, с. 128]. Кроме того, идеология обладает и вполне прагматическим измерением, поскольку побуждает к определенным действиям, делает верования частью окружающей действительности и служит оправданием совершаемых действий. Определение Роше и вовсе объединяет в себе оба этих измерения – реализационное и легитимизирующее. Идеология, таким образом, понимается как «четко организованная система идей и суждений, которая призвана описывать, объяснять, интерпретировать и оправдывать реальность существования отдельных групп или сообществ и которая посредством утверждения определенной системы ценностей подвигает эти группы или сообщества на конкретные исторические действия» [Rocher 1978, p. 475]. Однако тот факт, что идеология может побуждать социальные группы к определенным действиям, по мнению Мусихина [Мусихин 2011, с. 128], отнюдь не означает, что в ней самой уже заложен конкретный план действий. Присущая ей высокая степень спекулятивности не исключает двойственности и даже противоречивости принимаемых на ее основе решений и действий. Однако важно отметить, что социальные субъекты, разделяющие ту или иную идеологию, будут стремиться трактовать свои действия в контексте этой идеологии, а не как-то иначе. Так, например, новая экономическая политика (НЭП), развернутая Лениным, не имела почти ничего общего с мерами, которые несколько лет спустя были предприняты Сталиным (ускоренная индустриализация, коллективизация и переход к плановой экономике), и это при том, что оба руководствовались схожими идеологическими принципами.

Напоследок следует отметить следующее: хотя статья и ориентируется на рассмотрение процесса легитимации социального неравенства, само слово «неравенство» не встречается в проанализированных текстах «Краткого философского словаря», и это неслучайно. В отличие других понятий, как, например, классовая борьба, классы, способ производства или эксплуатация, социальное неравенство не является центральной идеей марксистско-ленинской идеологии (по крайней мере, в диамате и истмате сталинского периода). Таким образом, социо-дискурсивный анализ осуществляется косвенно. Это значит, что мы в первую очередь концентрируемся на анализе статей, которые имеют наибольшее отношение к заявленной теме. После этого, применив дискурсивную систему, мы сделаем попытку изложить в общих чертах явление социального неравенства в советском обществе того времени.

Объекты эмпирического анализа

В качестве материала для анализа мы берем четыре статьи из «Краткого философского словаря» (далее – «Словарь») под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина [Розенталь, Юдин 1955], впервые изданного в 1939 г. Мы будем рассматривать следующие статьи: «Класс “в себе” и класс “для себя”», «Классовая борьба», «Классы (общественные)» и «Классы в СССР».

«Словарь» неоднократно переиздавался (1940, 1951, 1952, 1954, 1955 гг.), а в 1963 г. в связи с разоблачением культа личности Сталина вышла его переработанная версия. «Словарь» выходил в свет колоссальными тиражами (например, тираж 1955 г. составил 500 тыс. экз.) и был переведен на множество иностранных языков (английский, испанский, китайский, польский, румынский и еврейский), таким образом, речь идет об одном из самых распространенных в мире философских изданий. Как отмечал в 1953 г. А. Филиппов, «Словарь» под редакцией М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина – больше, чем краткий философский словарь, это настоящий справочник советской идеологии [Philipov 1953, p. 2]. Несмотря на то, что значительная часть анализа выполнена нами на основе текстов, имеющих прямое отношение к сюжетам социального расслоения, в нем также задействованы фрагменты из других разделов «Словаря».

Мы решили проанализировать вышеупомянутые статьи «Словаря» в его последнем сталинском издании (1955 г.), так как социология в эпоху правления Сталина была под запретом, и, следовательно, количество надежных источников крайне невелико². Поэтому мы обратим наше внимание на официальные тексты, опубликованные при поддержке советской власти. Четыре статьи «Словаря» благодаря большим тиражам и широкому распространению среди читателей считаются показательными для той эпохи, поскольку в статьях представлена советская идеология о социальном неравенстве в период сталинизма.

Методологические аспекты

Инструментарий современной социологии разделяется на две совокупности методов – качественные и количественные. Качественные методы, которым отдается предпочтение в данной статье, включают в себя традиционный контент-анализ, метод обоснованной теории Глейзера и Стросса, критический дискурс-анализ и др.

Тем не менее в данной работе для анализа и интерпретации текстов будет использована и оригинальная методика³, разработанная испанским социологом Ф. Конде и опубликованная в его монографии «Социологический анализ дискурсивной системы»⁴ [Conde 2009]. При том что у данного подхода есть определенные недостатки [Мусихин 2011, с. 130], вслед за Ван Дейком [Van Dijk 2003] мы полагаем, что идеология может изучаться теми же методами, что и дискурсивные системы, и это допущение делает возможным использование методики Ф. Конде в интересующем нас контексте. И хотя не все дискурсы по

² «В конце 30-х годов с выходом в свет работы И. Сталина *О диалектическом и историческом материализме* истмат был возвращен в лоно философского знания, а социологическое знание даже в форме исторического материализма было упразднено. Упразднение социологии как науки было предопределено тем, что ее принципы, теория и методы познания действительности оказались несовместимыми с личной диктатурой, волюнтаризмом и субъективизмом в управлении обществом, социальными процессами» [Осипов 2003, с. 2].

³ Впервые на нетрадиционном эмпирическом материале данный метод был апробирован в другой работе автора данной статьи, посвященной анализу фильма «Москва слезам не верит» [Valdera 2013]. См. также статью *Ideological socialisation in the childhood: Cheburashka* [Valdera, Valdera 2014].

⁴ Сам Конде признает, что на построение его методики оказала большое влияние работа М.М. Бахтина (издана под именем своего последователя В.А. Волошинова) «Марксизм и Философия Языка» (см. [Voloshinov 2009]).

своей природе являются идеологиями, абсолютно верно обратное – все идеологии так или иначе выражают себя в устной или письменной дискурсивной системе [Мусихин 2011, с. 132].

Определение и описание псевдодискурсивных позиций в текстах

Основное различие между позициями, возникающими в фокус-группах, и теми, которые являются предметом нашего анализа, заключается в том, как завязывается и развивается борьба за дискурсивную гегемонию. Если позиции в фокус-группах возникают как результат поляризации дискуссии, то в рассматриваемых четырех статьях «Словаря» дискурсивная борьба, хотя и связанная с фактическим противостоянием социалистического и капиталистического блоков стран в Холодной войне, является искусственным конструктом, который воспроизводится с целью сделать явным безусловное преимущество только одной из сторон. Капитализм сознательно выставляется в качестве обреченного на поражение идеологического противника, тогда как советский строй превозносится как более совершенная система. Именно поэтому далее в статье используется термин *псевдодискурсивные позиции* вместо понятия *дискурсивные позиции*, которое более применимо к условиям реального взаимодействия между социальными субъектами.

Определение и описание *псевдодискурсивных позиций* предполагает выявление субъектов, групп, сообществ, идей и т.д., встречающихся в тексте. Фактически речь идет о реконструкции на основе своеобразной четырехугольной методологической рамки, некогда предложенной Ван Дейком [Van Dijk 2003, p. 58]. Эта рамка предполагает (1) экспликацию положительных аспектов выбранной позиции, (2) выделение отрицательных аспектов противопоставляемой ей позиции, (3) смягчение отрицательных аспектов первой и (4) занижение положительных аспектов второй. Вдобавок к этому мы предпримем попытку квантифицировать указанные аспекты и отобразить полученные результаты в виде графических схем, что сближает используемый подход с классическим контент-анализом.

Нарративная структура

Нарративная структура представляет собой своеобразный каркас текста, определяющий его внутреннюю целостность [Conde 2009, pp. 168–169]. Этот каркас состоит из идей, упорядочивающих существующие в тексте позиции и дающих логическое объяснение тому, как они артикулируются. Для реконструкции *нарративной структуры* Ф. Конде предлагает начать с выделения противоположных точек зрения, а точнее, выявления тех понятий или идей, которые определяются через их отношение к существующим позициям [Conde 2009, pp. 168–169]. Для этих целей он также рекомендует использовать графическую визуализацию, с помощью которой можно наглядно отобразить взаимное расположение позиций по аналогии с расположением объектов на географических картах [Conde 2009, pp. 197–204]. Из прагматических соображений для упрощения анализа Ф. Конде также предлагает синтезировать обе формы репрезентации *нарративной структуры*.

Нарративные сюжеты

Используемое далее в статье понятие *нарративных сюжетов* является в некотором смысле аналогом понятия *семантических областей* в оригинальной методике Конде. Как и в случае с *псевдодискурсивными позициями*, мы будем использовать термин, отличающийся от авторского, поскольку, несмотря на то, что наша методология является производной от методологии Конде, смыслообразование не происходит в процессе живого взаимодействия между участниками дискуссии.

Выявление *нарративных сюжетов* в тексте позволяет глубже понять, что и как рассказывается. Так как речь идет о дискурсивной идеологической системе, т.е. о продукте, который конструируется одними социальными субъектами, но при этом включает в свою нарративную систему другие, возникает необходимость реконструкции общей картины. Эта реконструкция будет состоять из нескольких частей, в каждой из которых доминирует какая-то одна идея или дискурс. Таким образом, логическая связанность дискурсивной системы, ее способность производить целостное впечатление и выполнять легитимационную функцию зависит от того, насколько хорошо связаны между собой содержащиеся в ней *нарративные сюжеты*. Но за счет чего обеспечивается эта связанность? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к другим концептам из арсенала Конде – понятиям *семантический аттрактор* и *дискурсивные связи*.

Конде определяет *семантические аттракторы* как «высказывания, символы, с помощью которых организуются и упорядочиваются значения определенного смыслового пространства» [Conde 2009, р. 207]. Семантическими аттракторами являются слова или фразы, обладающие мощной эмоциональной и символической нагрузкой и благодаря этому определенным образом структурирующие дискурсивную систему, придавая ей значимость в глазах читателей и слушателей. Возьмем, к примеру, слова «буржуазия» и «кулак»⁵. Использование обоих терминов в «Словаре» не является нейтральным. Их вполне конкретный символизм и способность апеллировать к определенным смыслам не только обогащает сам дискурс, но и является для тех, кто ими пользуется, своеобразным оружием для осуществления «символической борьбы и насилия».

Еще одним элементом нашего анализа является выявление переходов между позициями внутри одного *нарративного сюжета*, значительную роль в которых играют т.н. *дискурсивные связи* [Conde 2009, р. 207]. Они скрепляют дискурсивную ткань, наполняют ее содержанием и дают читателю представление о глобальном значении дискурса и его системности.

Шаг первый. Выявление псевдодискурсивных позиций

Первый шаг состоит в определении самих *псевдодискурсивных позиций*, т.е. выявлении конкретных субъектов и идей, представленных в тексте. Используемая нами

⁵ К примеру, в испанском языке слова «красный» и «фашист» ассоциируются с основными сторонами конфликта, разразившегося в Испании во время Гражданской войны (1936–1939 гг.).

аналитическая процедура заключалась в следующем. С помощью различных цветовых маркеров производилось выделение отдельных фрагментов текста, которые, с нашей точки зрения, выражают ту или иную позицию. Конечно, это выделение отчасти субъективно, впрочем, подобная субъективность присуща не только качественным, но и количественным исследованиям – на этапе подготовки и создания анкеты количественного опроса. Это связано с тем, что только сам исследователь может решить, какие вопросы он планирует задать своим респондентам, в какой форме они будут заданы и как будет проводиться измерение ответов.

После этого выявленные позиции переносятся на графическую схему, где они размечаются с помощью разноцветных сегментов и римских цифр. Дизайн основан на оригинальной идее, учитывающей количество знаков без пробелов внутри каждой обнаруженной позиции. Для их репрезентации мы использовали простой арифметический принцип. Колонка шириной один сантиметр (база) изображает 1% знаков (без пробелов) текста. Приведем пример: в случае статьи «Класс “в себе” и класс “для себя”» мы определили, что в схеме фигурируют три позиции: марксизм-ленинизм (I), КПСС (III) и СССР (V) (таблица 1). Итого количество знаков без пробелов в тексте составляет 1722 (100%). Позиция «марксизм-ленинизм (I)» содержит 1372 знака, т.е. 79,70%. Если мы базируемся на вышеупомянутом принципе, колонка должна была достичь 79,70 см. Поскольку ширина каждой колонки не превышает 14 см, мы репрезентируем позицию «марксизм-ленинизм» с помощью разных строк (1.1–1.6).

Таблица 1. Знаки и процент в статье «Класс “в себе” и класс “для себя”»

Позиция	Знаки	Процент	Строка
Марксизм-ленинизм (I)	1372	79,70%	1.1–1.6
КПСС (III)	223	12,96%	1.6–1.7
СССР (V)	127	7,40%	1.7–1.8
Итого	1722	100%	

Графические схемы также позволяют проиллюстрировать и формализовать отношения, возникающие между позициями и связывающие их между собой. В том случае, если две соседние позиции являются смежными, т.е. предполагают логический переход от одной позиции к другой, используется однонаправленная стрелка. Если же две позиции противопоставляются друг другу, используется двунаправленная стрелка. Номера полос используются исключительно для того, чтобы облегчить дальнейшее ориентирование в структуре текста при осуществлении анализа. Визуализация *псевдодискурсивных позиций* и связывающей их логики будет особенно полезна при анализе *нарративной структуры и нарративных сюжетов*.

На основании анализа четырех текстов «Словаря» мы выделили семь позиций, которые можно свести в два условных блока: «социализм» и «капитализм» (таблица 2). Каждому блоку на схемах соответствует свой цвет: серый –

социализму, и белый – капитализму. В свою очередь, борьба между блоками разворачивается по трем условным фронтам – *теоретическому*, *политическому* и *социально-экономическому*⁶. На *теоретическом* фронте сталкиваются «марксизм-ленинизм» (I) и «буржуазная социология» (II), а также прочие оппонирующие марксизму-ленинизму теории (II); на *политическом* – коммунистическая партия (III) и ее внешние (буржуазный и империалистический строй) и внутренние враги (IV); и, наконец, на *социально-экономическом* (под которым понимается конкуренция двух моделей развития, различающихся базовыми системами институтов, типом стратификации и т.п.) – СССР (V) и «капиталистическая Россия» (VI). Однако в той же дискурсивной системе, как известно, предполагается, что в будущем противостояние исчерпает себя по всем фронтам и завершится окончательной и бесповоротной победой советского блока и коммунистических идеалов, что станет финальным актом в истории человечества (VII).

Таблица 2. Распределение псевдодискурсивных позиций

Блоки-антагонисты	Теоретический фронт	Политический фронт	Социально-экономический фронт	Конец истории
<p><u>А. Социализм</u></p> 	<p>Марксизм-ленинизм (I) 4420 (36,34%)</p>	<p>КПСС, Ленин, Сталин (III) 1759 (14,46%)</p>	<p>СССР (V) 3124 (25,68%)</p>	<p>Коммунизм (VII) 825 (6,78%)</p>
<p><u>Б. Капитализм</u></p> 	<p>Буржуазная социология (II) 543 (4,47%)</p>	<p>Империалисты и внутренние враги (IV) 612 (5,03%)</p>	<p>Капиталистическая Россия (VI) 882 (7,25%)</p>	

Примечание: в таблице 2 отражены псевдодискурсивные позиции, которые были выделены автором в четырех анализируемых статьях «Словаря». Также приводится количество текстовых знаков, соответствующих указанным позициям и его процентное соотношение к общему количеству знаков (в скобках). В целом несложно убедиться, что преобладающими в статьях являются позиции, связанные с социалистическим блоком (73,98% совокупного текста), против 16,67% у противоположного блока и 6,78% у коммунизма.

⁶ Идея трех фронтов взята из статьи «Классовая борьба»: «Классовая борьба пронизывает экономику, политику, идеологию классового антагонистического общества» [Розенталь, Юдин 1955, с. 195].

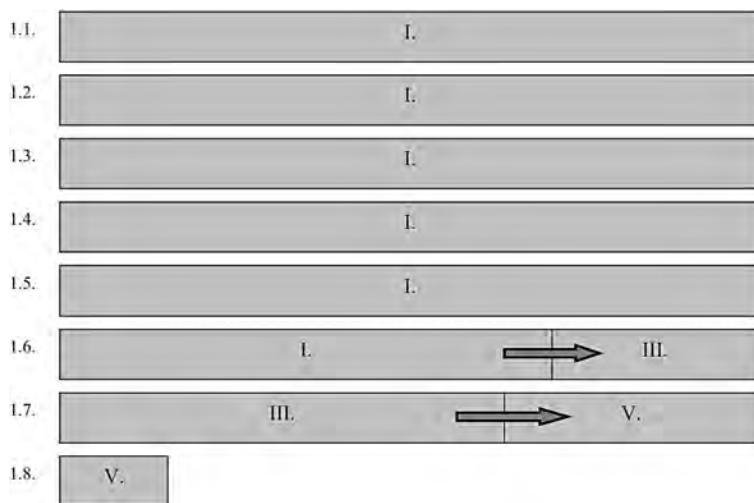

Схема 1. Соотношение псевдодискурсивных позиций
в статье «Класс “в себе” и класс “для себя”»

Примечание: Схема иллюстрирует дискурсивную логику, которая связывает самосознание рабочего класса и победу революции 1917 г. Благодаря марксизму-ленинизму (I) рабочий класс смог объединиться под эгидой коммунистической партии (III) и основать Советский Союз (V).

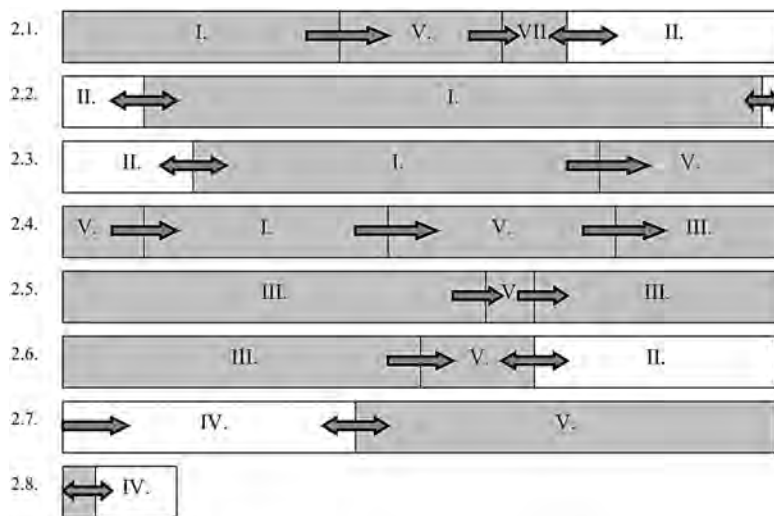

Схема 2. Соотношение псевдодискурсивных позиций
в статье «Классовая борьба»

Примечание: Схема отражает наличие двух типов конфликта в начале и в конце текста. В первой части марксизм-ленинизм (I) открыто противопоставляется буржуазной социологии (II), а во второй внутренние и внешние политические враги (IV) противопоставляются СССР (V).

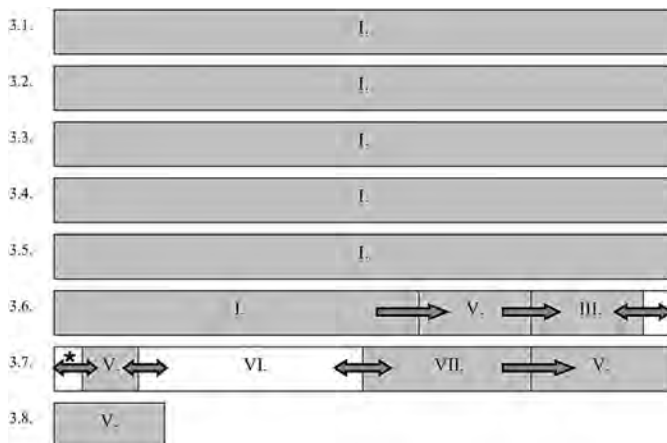

Схема 3. Соотношение псевдодискурсивных позиций
в статье «Общественные классы»

Примечание: Значку «*» на представленной схеме соответствует позиция VI. После подробного изложения теоретических предпосылок, лежащих в основе определения общественных классов, переход к Советскому Союзу (V) в блоке 3.6 описывается примерно в том же ключе, в каком в мировой истории принято разделять мир до и после рождения Христа. СССР (V), созданный рабочим классом под руководством КПСС (III), в то же время не предполагает доминирование какого-то нового класса над другими, как это было раньше (VI). Напротив, он ликвидирует проблему эксплуатации, и в будущем все признаки классового разделения общества должны будут преодолены (VII). Таким образом, представленная последовательность позиций своеобразно развивает историю появления, развития и исчезновения общественных классов.

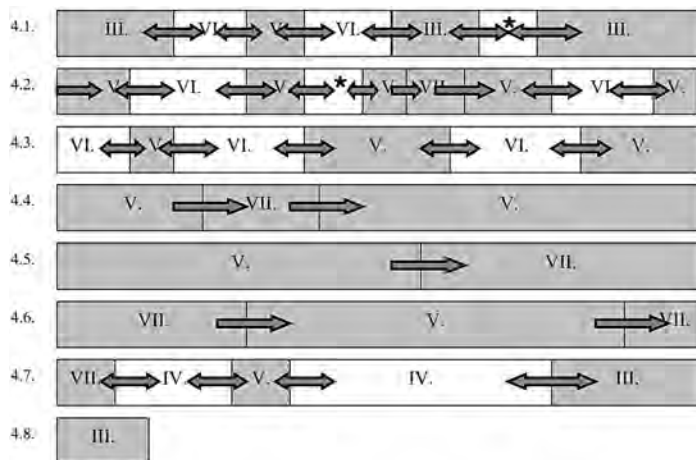

Схема 4. Соотношение псевдодискурсивных позиций
в статье «Классы в СССР»

Примечание: Значку «*» на представленной схеме соответствует позиция VI. В первых трех блоках обсуждается противостояние между морально устаревшей капиталистической моделью (VI) и новым советским обществом (V). В следующих трех блоках представлен образ будущего, в котором СССР (V) превращается в полноценное коммунистическое общество (VII). Наконец, последние два блока обращают внимание на трудности, с которыми может столкнуться КПСС (III), воплощая свою миссию по строительству коммунизма, козни внешних и внутренних врагов (IV).

Определение и интерпретация линий противостояния в текстах

Еще одной формой презентации псевдодискурсивных позиций является использование фрагментов самих анализируемых произведений. С их помощью читатель может более наглядно представить себе скрытую дискурсивную логику, проиллюстрированную на схемах. Для того чтобы облегчить процесс чтения и интерпретации, мы будем придерживаться вышеописанного принципа трех линий противостояния и семи выделенных позиций. Кроме того, для того чтобы подчеркнуть дискурсивную оппозицию в рамках статей «Словаря» и гарантировать полное понимание логики анализа, мы снова будем использовать цветные маркеры и римские цифры.

- Теоретический фронт: марксизм-ленинизм (I) против буржуазной социологии и других теорий (II).

Прежде всего, необходимо отметить, что авторами статей «Словаря» являются сотрудники Института философии АН СССР, которые под руководством М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина также занимались разработкой различных философских и методологических вопросов с позиций исторического материализма (истмат) и диалектического материализма (диамат). В связи с этим платформа, на которой был составлен «Словарь», является в первую очередь *научной, а не исключительно пропагандистской*. Разумеется, мы не отрицаем влияния коммунистической партии или советского политического руководства на советскую академическую среду (к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о политической линии противостояния), однако вслед за П. Бурдьё [Bourdieu 2008, pp. 112–119], который писал о том, что каждое социальное поле является по-своему автономным, регулируется собственными правилами и отдает приоритет разным определенным формам капитала (политического, социального или культурного), мы считаем, что коммунистические убеждения по-разному проявляли себя в различных сферах – будь то в академических, партийных или военных кругах. Таким образом, «Словарь» как научное произведение отличается специфическая, присущая научным произведениям стилистика и способы построения текста, в силу чего по своей форме и содержанию он, безусловно, отличается от памфлетов ранних коммунистов или партийной программы – это подтверждает высокая частота использования высказываний дефиниционного типа (в частности, преобладание в текстах позиции (I) (марксизм-ленинизм). Авторы «Словаря» стремятся описать и истолковать мировую реальность, используя собственную систему координат, отвергая альтернативные представления о миропорядке (буржуазная социология), которые в то же время на противопоставлении помогают им более четко определить собственную позицию.

Приведем несколько примеров специфического строения дискурса, подтверждающих эту мысль. Ниже цитируется отрывок из статьи, содержащей определения понятий «класс “в себе”» и «класс “для себя”». Развивая эти определения, авторы «Словаря» неоднократно ссылаются на К. Маркса и продолжателей его интеллектуальной традиции Ф. Энгельса и В. Ленина, что, видимо, само по себе должно придать больший вес и убедительность используемым формулировкам⁷:

⁷ Апелляция к традиции, невзирая на глубину предъявляемых аргументов, не является недостатком исключительно советских ученых и идеологов (она также присуща некоторым западным мыслителям).

(I) «Термины, которые Маркс и Энгельс употребляли для обозначения различных ступеней политической зрелости пролетариата, ступеней роста его самосознания как самостоятельной политической силы» (I) [Розенталь, Юдин 1955, с. 194].

Следующим свойством академической платформы, которой придерживаются авторы «Словаря», является онтологический статус марксизма-ленинизма. Говоря об аутентичности своего понимания социальной реальности, марксистско-ленинская философия стремится преподнести себя как единственно истинную и противопоставляется всему фальшивому и ошибочному. Тем самым она воспроизводит тенденцию, характерную для эпохи Просвещения, которая предполагала тождественность науки и естественного устройства мира и в которой все субъективное и личное воспринималось как исходно ложное. В связи с этим псевдодискурсивные позиции приобретают форму *относительного социологизма*, т.е. складывается ситуация, при которой отрицаются претензии противоположной (т.е. буржуазной) школы на статус настоящей науки, что доказывается через апелляцию к ее идеологической предвзятости и служению в интересах определенных классов. И, наоборот, марксистско-ленинская школа приписывает себе обладание истинным знанием в силу исключительной способности сохранять нейтральную позицию и независимость от социального окружения:

(I) «Марксизм дал научное обоснование классовой борьбы как движущей силы развития общества, разделённого на антагонистические классы» (I) [Розенталь, Юдин 1955, с. 195].

(II) «Буржуазные социологии изображают человеческое общество как хаос, в котором нет никаких объективных закономерностей и каждая личность действует по произволу. Своей теорией классовой борьбы марксизм раз и навсегда покончил с подобными антинаучными представлениями об обществе» (II).

(I) «Марксизм, – указывает Ленин, – дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы» (I) [Розенталь, Юдин 1955, с. 195].

- Политический фронт: КПСС (III) против империализма и внутреннего врага (IV).

Опознать субъекты, от чьего имени ведется повествование внутри политической линии противостояния, нетрудно: от лица коммунистической партии как *политической структуры, организующей пролетариат*. У партии есть враги, с которыми она ведет непримиримую борьбу – это представители старых эксплуататорских классов, использующие в своих интересах людей со слабым революционным сознанием:

(IV) «На деле в период строительства социализма происходит обострение классовой борьбы, ибо имеющиеся ещё капиталистические элементы не хотят добровольно уступить своих позиций. Чем больше успехи социалистического строительства, тем сильнее сопротивление этих элементов» (IV) [Розенталь, Юдин 1955, с. 196].

(V) «В Советском Союзе нет антагонистических классов (V), (IV) но есть ещё скрытые враждебные Советской власти элементы, которые стремятся всячески вредить нашему делу. Империалистическая буржуазия пытается использовать сохранившиеся ещё пережитки капитализма в сознании части советских людей в своих классовых целях (IV). (III) Для успешного разрешения задач коммунистического строительства необходимо вести беспощадную борьбу с врагами советского народа, последовательную, повседневную борьбу с пережитками капитализма в сознании людей, повышать революционную бдительность советского народа» (III) [Розенталь, Юдин 1955, с. 198].

Кроме того, в состав коммунистической партии входили не только важные интеллектуальные деятели, но и личности, имеющие значительный политический вес. Это то, что в марксистско-ленинской традиции называлось субъективным

или кадровым фактором: сначала Ленин, а затем Сталин определили тактические и организационные установки, которые позволили установить Советскую власть и сделать Советский Союз могущественной промышленной и военной державой. Отметим, что оба лидера, как, впрочем, и многие известные большевики, были профессиональными революционерами и являлись частью жесткой иерархичной политической организации. Мы видим, как авторы «Словаря» зывают к Ленину и Сталину, чтобы укрепить свои аргументы, поскольку если Ленин и Сталин учили нас определенным принципам (например, как строить социализм или бороться против врагов народа), эти принципы превращаются в правду.

(V) «Исходя из опыта молодой Советской республики (V), (III) Ленин отметил пять новых форм классовой борьбы в период диктатуры пролетариата» (III) [*Розенталь, Юдин 1955, с. 195*].

(III) «Тактической основой научного социализма, – указывает И.В. Сталин, – является учение о непримиримой классовой борьбе, ибо это – лучшее оружие в руках пролетариата – это то оружие, при помощи которого он завоеует политическую власть и затем экспроприрует буржуазию для установления социализма» (III) [*Розенталь, Юдин 1955, с. 195*].

- Социально-экономический фронт: общественные классы в СССР (V) против социальных классов капиталистической России (VI).

Марксизм-ленинизм, а также коммунистическая партия и ее руководители едва ли были бы восприняты всерьез, если бы им не удалось создать Советский Союз и тем самым доказать принципиальную возможность построения общества на началах, отличных от капиталистических не только в экономическом, но и политическом, социальном и культурном измерениях. Именно поэтому акцент в «Словаре» делается на строительстве нового социалистического общества (исторической задаче пролетариата) или на самых важных чертах новой модели, противопоставляющих ее капитализму: отмена частной собственности на средства производства и искоренение эксплуатации.

(V) «В отличие от этих прежних революций пролетарская революция (V), (III), которую совершает пролетариат, руководимый Коммунистической партией (III), (VI) уничтожая капиталистическую строй (VI) (V) и создавая социалистический строй (V), (VI) устраняет собственность на средства производства, ликвидирует эксплуататорские классы и искореняет всякую эксплуатацию человека человеком» (VI) [*Розенталь, Юдин 1955, с. 196–197*].

В тексте проводится яркий дискурсивный контраст между общественными классами до революции, в капиталистической России и после, уже в советские времена. При этом сама по себе социально-классовая структура общества в обоих случаях является идентичной. Авторы лишь указывают, что жизнь прежних классов – рабочих, колхозных крестьян и интеллигенции – при советском строе принципиально меняется. Достигнутые в Советском Союзе успехи противопоставляются отношениям эксплуатации, отсталости и дефициту возможностей, характерных для предшествующего исторического периода.

(VI) «Рабочий класс перестал быть пролетариатом в прежнем смысле этого слова (VI), (V) превратившись в совершенно новый класс (V), (VI) освобождённый от эксплуатации, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства (VI), (V) утвердивший социалистическую собственность на средства производства» (V) [*Розенталь, Юдин 1955, с. 197*].

(V) «Крестьянство в СССР также в корне изменилось (V). (VI) Уже нет миллионов раздробленных, мелких и средних хозяйств с примитивной и отсталой техникой (VI); (V) выросло совершенно новое крестьянство (V). (VI) Оно не эксплуатируется более помещиками, кулаками, ростовщиками, купцами (VI). (V) Подавляющее большинство крестьянства вступило

в колхозы (V), (VI) покончило навсегда с ведением хозяйства на основе частной собственности на средства производства, порабощающие тружеников деревни (VI). (V) Советское крестьянство ведёт ныне своё хозяйство на основе коллективной социалистической собственности» (V) [Розенталь, Юдин 1955, с. 197].

(V) «В корне изменилась также и интеллигенция (V). (VI) Если дореволюционная интеллигенция состояла преимущественно из выходцев из дворян и буржуазии и обслуживала их классовые интересы (VI), (V) то советская интеллигенция в своём громадном большинстве вышла из среды трудящихся и кровно связана и их интересами. Советская интеллигенция – подлинно народная интеллигенция. Являясь равноправным членом советского общества, советская интеллигенция преданно служит социализму» (V) [Розенталь, Юдин 1955, с. 197].

- Конец конфликта и коммунистическое общество (VII).

Наконец, последняя псевдодискурсивная позиция представляет собой своеобразную версию конца истории, финальный этап в развитии человечества, при котором будут полностью ликвидированы какие-либо различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией:

(VII) «С построением коммунизма, с ликвидацией существенного различия между городом и деревней, физическим и умственным трудом классовые различия между рабочими и крестьянством, а также между ними и интеллигенцией полностью сотрутся» (VII) [Розенталь, Юдин 1955, с. 198].

Мы решили отделить псевдодискурсивную позицию коммунизма (VII) от позиции СССР (V) по следующей причине. Позиция СССР представляла собой наступающую действительность, которая, как полагает О. Фигес, была связана с глубокими трансформациями во всех областях общества (например, пятилетние планы). Но коммунизм как таковой еще не существовал, и идея коммунизма сыграла роль света, показателя того, как должно быть в будущем. Она служила для того, чтобы легче переносить тяготы настоящего, как аванс, гарантирующий полную справедливость в будущем.

«Для большевиков октябрь 1917 года означал начало Нового Года в истории человечества, как 1789 год стал годом рождения нового мира, созданного якобинцами. Проецируя настоящее в будущее, советская пропаганда преподносила образ Революции как движение в сторону коммунистической утопии. Эта же пропаганда воспевала успехи пятилетних планов как неопровержимое доказательство приближения к этой утопии» [Figs 2009, p. 281].

Шаг второй.

Выявление нарративной структуры текстов

Определив и пояснив существующие псевдодискурсивные позиции, обратимся к исследованию нарративной структуры статей «Словаря». Цель этого шага состоит в том, чтобы выявить идеи, выражающие и подкрепляющие выявленные ранее позиции.

Первый аспект нарративной структуры. Теория диалектического материализма. Правда против лжи

Как уже было показано, дискурсивное противостояние между капитализмом и социализмом пронизывает все рассмотренные тексты «Словаря». Говоря о теорети-

ческой линии противостояния, мы указали на фактор влияния, оказываемого академической платформой на дискурсивную систему. Дискурсивная дихотомия этой линии основывалась на оппозиции между «истинным и научным» марксизмом-ленинизмом и «ложным и идеологическим» буржуазным учением. Взяв за основу эту линию противостояния, мы выделяем первый аспект нарративной структуры, который условно назовем гносеологическим. Гносеология является частью советского диалектического материализма.

Диалектический метод придает особое значение исследованию потенциальных и реальных противоречий, поскольку они признаются в качестве основных движущих механизмов общественного развития. Постепенное накопление этих противоречий в социальной системе рано или поздно подталкивает ее к кризису, который, разрешаясь тем или иным образом, провоцирует ее переход на качественно новую стадию развития. Этот процесс имеет очевидные политические последствия, поскольку он представляет распад капитализма и социалистическую революцию как неизбежные факты. Остановимся чуть подробнее на теории познания, разрабатываемой в рамках диалектического материализма.

Согласно основным положениям диалектического материализма, материальный мир объективен, т.е. существует независимо от нашего сознания и развивается по своим собственным законам, которые неподвластны воле индивидов – законам природы и истории. Определяющую роль в развитии диалектического материализма сыграла работа В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [Lenin 1966]. В ней на основе критики идей позитивизма и переосмысления теории условных рефлексов, разработанной физиологом И. Павловым, была предпринята попытка развить весьма своеобразную гносеологическую традицию [Philipov 1953, p. 35], согласно которой объективная реальность находит отражение в сознании человека только в том случае, если тот обладает адекватным теоретическим инструментарием⁸.

«Мир по своей природе материален, он состоит из движущейся материи, превращающейся из одной формы в другую; материя первична, а сознание вторично, сознание есть порождение высокоорганизованной материи; объективный мир познаваем, и наши ощущения, представления, понятия есть отражения существующего независимо от человеческого сознания внешнего мира. Диалектический материализм даёт научную теорию познания, имеющую неоценимое значение для понимания процесса познания объективной истины» [Розенталь, Юдин 1955, с. 116].

В этой парадигме действия пролетариата, коммунистической партии и ее руководителей предстают как правильные и соответствующие объективным законам общественного развития, поскольку теоретически адекватным признается только марксистско-ленинское учение. И, напротив, людям и социальным субъектам, отвергающим марксизм-ленинизм, отказывается в праве понимать мир таким, какой он есть, и утверждается, что они могут воспринимать его исключительно как некоторый искаженный образ. Другими словами, они – жертвы своего ложного сознания, и их понятие о мире считается «идеологизированным».

⁸ Х. Эскинас поясняет эту идею следующим образом: «Отражение – это не просто изображение некоторого предмета, которое проецируется на какой-то гладкой поверхности. На самом деле оно отсылает нас к способности одних вещей взаимодействовать с другими и при этом накладывать на них свою структуру. Идея отражения в диамате больше соответствует понятие “изоморфизма объектов” <...> Более уместной метафорой в данном случае является не зеркало, а, скажем, след на пляжном песке, так как последний изменяет структуру отражаемого объекта» [Esquinas 2010].

Однако лежащее в основе диалектического материализма философское направление только внешне напоминает объективизм, на самом же деле ему, скорее, присущ субъективизм, если вовсе не волюнтаризм (как идеалистическое направление, приписывающее божественной или человеческой воле основную роль в развитии природы и общества)⁹.

«Люди могут открыть объективные законы, познать, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в своих интересах, ограничивая действие одних законов и создавая полный простор для других, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут создать новые законы» [Розенталь, Юдин 1955, с. 167]

Признаками волюнтаризма являются монистический характер умозаключений авторов «Словаря» [Esquinas 2010], предполагающий однозначную связь между образом жизни (вкусами, привычками и проч.), научными взглядами, с одной стороны, и социально-политическими установками, с другой. Тот, кто придерживается философской, научной, художественной или музыкальной точки зрения, которая считается буржуазной, не только будет человеком буржуазного мышления и вкусов, но и потенциально опасным защитником реставрации капитализма, контрреволюционером, саботажником. Монистическая тенденция является фундаментальной для понимания *взаимозаменяемой логики* внутри трех линий противостояния. Это означает, что позиция, соотносимая с одной линией, может быть задействована в противостоянии с антагонистическими позициями другого блока и других линий: так, например, происходит в случае оппозиции КПСС (III) и капитализм в России (VI), или в случае СССР (V) и империализм/внутренний враг (IV).

Второй аспект нарративной структуры.

Телеология истории. Капитализм, социализм и коммунизм

История человечества в марксистско-ленинском учении предстает как последовательность различных способов производства (рабство, феодализм, капитализм и социализм) и чей ритм задается борьбой между общественными классами. С переходом к новому способу производства общество получает более развитые производственные отношения и производственные силы, дающие людям значительно более эффективный контроль над природой.

«Смена общественно-экономических формации в истории (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический) есть смена одних, более производственных, отношений другими, более прогрессивными» [Розенталь, Юдин 1955, с. 166].

Общим для всех четырех текстов является то, что они открываются описанием и анализом функционирования общественных классов в капиталистической системе, чтобы затем перейти к сравнению с тем, как выглядит ситуация при

⁹ «Волюнтаризм – это спинной мозг всего марксизма, корни которого, в свою очередь, лежат в романтизме и иудео-христианстве <...> Только истинно верующий человек, такой, который всецело и безоговорочно принимает марксистско-ленинские идеи, <...> способен осуществить все, что пожелает. Объективизм и волюнтаризм в диалектическом материализме идут рука об руку» [Esquinas 2010].

социализме. После отошедших в прошлое рабовладельческой и феодальной систем с их явно выраженными отношениями подданства и господства, в противоборство на арене современности вступают капитализм и социализм. Капитализм предстает как система прошлого-настоящего в том смысле, что она еще существует, но постепенно сдает свои позиции, не выдерживая тяжести собственных противоречий. Напротив, социализм, воплощенный в советском строе – это настоящее-будущее, так как он также существует сегодня, но является более совершенной и менее противоречивой системой и должен переродиться в коммунизм, который завершит ход истории. Перед нами очевидные телеологические тезисы, сформулированные в духе исторического материализма и утверждающие, что у истории есть своя «альфа» и «омега». При этом Советский Союз с его справедливой социальной организацией и исчезающими классовыми различиями предстает как неопровержимое доказательство истинности марксистско-ленинской философии, а также того, что коммунистическая партия направляет ход истории в верном направлении, поскольку руководствуется объективными законами, открытыми в рамках исторического материализма. Таким образом, второй аспект нарративной структуры связывает воедино три обозначенные нами позиции – капиталистическая Россия (VI), СССР (V) и коммунизм (VII).

Графическое отображение дискурсивной системы

- Система координат.

Нарративная структура представляет собой своеобразный каркас дискурсивной системы, который мы попробуем отобразить в виде двумерной системы координат (*схема 5*). Вертикальная ось разделяет дискурсивное пространство на два полюса в соответствии с тем, как те или иные псевдодискурсивные позиции соотносятся с гносеологическими основами диалектического материализма: верхнему полюсу соответствуют позиции, претендующие на объективность и истинность, а нижнему – ложные и субъективные. Горизонтальная ось дифференцирует позиции в зависимости от того, какая форма общественного устройства – капиталистическая (справа) или социалистическая (слева) – утверждается в качестве претендующей на венец исторического развития.

- Расположение псевдо-дискурсивных позиций.

Теперь попробуем расположить выявленные нами ранее позиции в указанной системе координат. Разумеется, мы не можем сколько-нибудь точно квантифицировать свойства этих позиций, однако в данном случае значение будет иметь не столько точность их расположения, сколько символические дистанции друг между другом [*Conde 2009, p. 171*]. Так, например, позицию «капиталистическая Россия», очевидно, следует расположить в левой верхней части дискурсивного пространства, поскольку она согласуется с капиталистическим способом производства и признается частью объективно существующей реальности.

Позицию «буржуазная социология» также следует расположить в левой части схемы, однако по вертикальной оси она тяготеет к нижнему полюсу, поскольку признается ложной и основанной на иллюзорных представлениях о реальности. Аналогичным образом на *схеме 5* нами были расположены все остальные позиции.

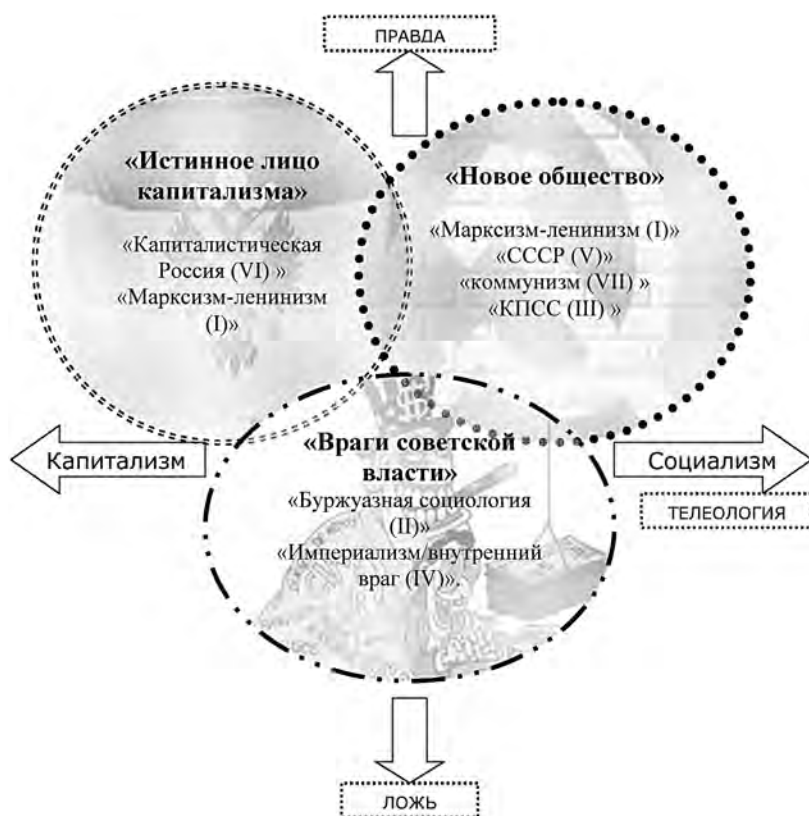

Схема 5. Двумерное отображение нарративной структуры текста

Примечание: Псевдодискурсивные позиции разведены по трем основным нарративным сюжетам: I) «истинное лицо капитализма» (левый верхний квадрант), II) «новое общество» (правый верхний квадрант) и III) «враги советской власти» (нижняя часть дискурсивного пространства).

Шаг третий.

Дискурсивная логика нарративных сюжетов.

Дискурсивные связи между позициями

Схемы 5, 6, 7 и 8 позволяют эксплицировать последний элемент дискурсивной системы – нарративные сюжеты, артикулирующие позиции и связи между ними – и тем самым передающие общий смысл, заложенный в текстах. Каждый нарративный сюжет занимает свое место в координатном пространстве (см. примечание к схеме 5). Дискурсивная связанность внутри нарративных сюжетов и между ними достигается благодаря семантическим аттракторам и связям между позициями. Связи выполняют роль дискурсивных нитей, которые скрепляют текстовую ткань. В каждом нарративном сюжете мы обнаруживаем отдельный дискурс, сильную идею, которую авторы «Словаря» пытаются легитимизировать перед читателем. Соответственно, взаимодействие сюжетов дает нам характерную для текстов дискурсивную систему, опорные пункты анализируемой идеологии:

Первый идеологический дискурс. Содержит в себе образ России в прошлом, до революции 1917 года, и косвенно – другие капиталистические страны. Первый дискурс выстраивается на основе соединения позиций «капиталистическая Россия» (VI) и, частично, «марксизм-ленинизм (I)». Назовем его условно «истинное лицо капитализма».

Второй идеологический дискурс. Раскрывает характеристики советского общества (социализма) и то, каким оно станет при коммунизме. Вторым сюжетом является самым насыщенным и включает в себя следующие позиции: «марксизм-ленинизм (I)», «СССР (V)», «коммунизм (VII)» и «КПСС (III)». Этот дискурс можно назвать «новое общество».

Третий идеологический дискурс. Акцентирует роль враждебных революционному сознанию элементов, которые несут потенциальный вред и препятствуют построению нового общества. Этот сюжет включает позиции «буржуазная социология (II)» и «империализм/внутренний враг (IV)». Ему будет присвоено условное название «враги советской власти».

Мы обращаем внимание читателей на то, что позиция «марксизм-ленинизм» фигурирует в двух нарративных сюжетах и служит связующим элементом между ними. Марксизм-ленинизм привлекается как с целью разъяснения специфики работы капитализма, так и для того, чтобы легитимизировать новое советское общество и «КПСС». Несмотря на то, что в текстах нет прямой связи между позициями «капиталистическая Россия» и «марксизм-ленинизм», последний задает в двух первых текстах теоретическую базу для прогнозирования краха капиталистической системы в России.

Нарративный сюжет I: истинное лицо капитализма

Дискурсивная логика этого нарративного сюжета имеет много общего с логикой, которую использовал К. Маркс, работая над своим главным трудом «Капиталом»: свой труд он стремился представить как научное обоснование принципов, на которых устроен капитализм.

Дискурс, в рамках которого в рассматриваемых статьях представлен марксизм-ленинизм, опирается на две сильные идеи. Первая из них – «*сциентизм*», т.е. наукообразное описание и стремление к открытию естественных, объективных законов. В тексте активно используются понятия, имеющие прямое или косвенное отношение к науке: *научное обоснование классовой борьбы, закономерность, теория классовой борьбы, научное определение результатов этих стремлений* и другие. Кроме того, благодаря обильному использованию других семантических аттракторов в материалах легко прослеживается присущий марксизму телеологизм. С одной стороны, в тексте приводятся понятия, имплицитно не предполагающие какой-либо завершенности процесса исторического развития и его целенаправленности (например, «ступень» или «исторический этап»), но, с другой, дополнение такими эпитетами, как «неизбежный» и «непримиримый», усиливает общую претенциозность обсуждаемых положений теории.

Еще одним очень мощным семантическим аттрактором является понятие «*борьбы*». Борьба ведется между общественными классами начиная с их возникновения, обусловленного общественным разделением труда и частной собственностью

на средства производства. Дискурсивные приемы, которые усиливают значимость этой конфронтации и побуждают читателя к эмоциональному восприятию текста, включают в себя использование таких ярких исходно марксистских терминов, как «эксплуататоры» и «эксплуатируемые», а также специфически советских понятий, имеющих ярко выраженную негативную окраску: «класс помещиков», «крупная буржуазия», «капиталистические элементы», «кулачество» и т.п. Общая картина дополняется описанием не самых лицеприятных черт капитализма в России, и благодаря этому становится абсолютно понятным, кто является истинным врагом.

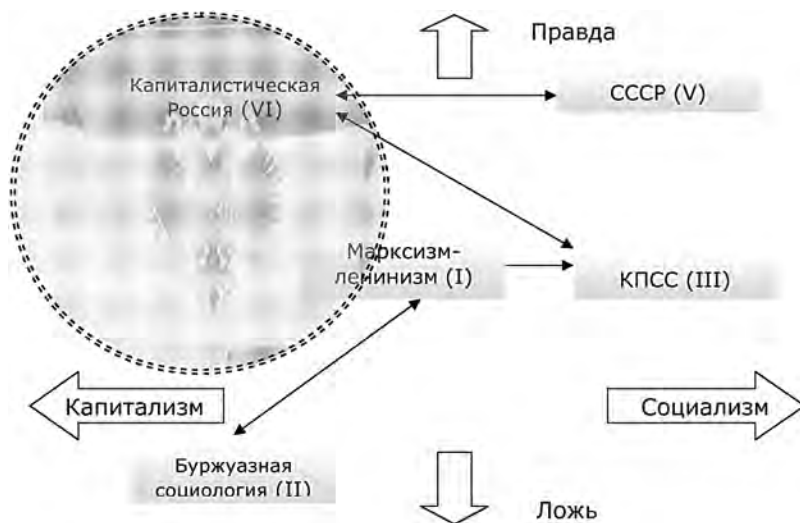

Схема 6. Дискурсивные связи, рассматриваемые в сюжете *Истинное лицо капитализма*

Примечание: Иллюстрация дискурсивных связей осуществляется на основании реальных связей, рассматриваемых в схемах соотношений (схемы 1, 2, 3, 4). Напомним, что мы предлагали установить два вида связи между позициями: логический переход (однаправленная стрелка) и оппозиция (двунаправленная стрелка).

Связь 1. Социально-экономический фронт. Модель СССР (V) против модели капиталистической России (VI) в следующих текстах: «Общественные классы» (3.7) и «Классы в СССР» (4.1, 4.2, 4.3).

Связь 2. Оппозиция капиталистическая Россия (VI) против КПСС (III) в следующих текстах: «Общественные классы» (3.6) и «Классы в СССР» (4.1).

Связь 3. Переход от марксизма-ленинизма (I) к КПСС (III) в тексте «Класс “в себе” и класс “для себя”» (1.6).

Связь 4. Теоретический фронт. Столкновение между марксизмом-ленинизмом (I) и буржуазной социологией (II) в тексте «Классовая борьба» (2.1, 2.2).

Нарративный сюжет II: новое общество

Второй нарративный сюжет раскрывается следующим образом. В соответствии с марксистско-ленинским пониманием законов истории мы знаем, что классовая борьба между

эксплуататорами и эксплуатируемыми продолжается до тех пор, пока не будет установлен коммунизм («Противоречия между классами приводят к классовой борьбе эксплуатируемых с эксплуататорами» [Розенталь, Юдин 1955, с. 196]). Параллельно с этим акцентируются негативные черты капитализма в России, и ощущение неизбежности социалистической революции, таким образом, усиливается (связи 1 и 5) на фоне положительного образа социалистической системы, раскрывающегося в первом сюжете.

Оба сюжета формируются и отталкиваются от двух больших дискурсивных связей. Марксизм-ленинизм связан с позицией «КПСС» (связь 3), поскольку он является ее теоретической основой. Ассоциируемое с капиталистической Россией ощущение несправедливости контрастирует с политикой, осуществляемой коммунистической партией, которая обещает раз и навсегда покончить с эксплуатацией (связь 2). Наконец, образ коммунистического общества – светлый миф, который указывает на правильное направление в развитии – служит для того, чтобы придать советским людям силы для преодоления трудностей на пути к коммунизму (связь 6).

Схема 7. Дискурсивные связи, рассматриваемые
в сюжете *Новое общество*

Примечание:

Связь 5. Переход от КПСС (III) к СССР (V) в следующих текстах: «Класс “в себе” и класс “для себя”» (1.7), «Классовая борьба» (2.4, 2.5, 2.6) и «Общественные классы» (3.6).

Связь 6. Переход от СССР (V) к коммунизму (VII) в следующих текстах: «Классовая борьба» (2.1), «Общественные классы» (3.7) и «Классы в СССР» (4.4, 4.5 и 4.6). Хотя коммунизм как тип общества без классов и без государства никогда не существовал, идея коммунизма сыграла значительную легитимирующую функцию в Советском Союзе. Поэтому мы решили изобразить позицию коммунизма частично за пределами круга. *Связь 7.* Оппозиция СССР (V) против империализма/внутреннего врага (IV) в тексте «Классовая борьба» (2.7, 2.8). *Связь 8.* Политический фронт. Противостояние КПСС (III) с внутренним и внешним (империалистическим) врагом (IV) в тексте «Классы в СССР» (4.7).

Внутри этого нарративного сюжета легко обнаруживаются две символические идеи. С одной стороны, преобладает идея гармонии, порядка и линейного

движения. В противоположность капитализму, где царят эксплуатация и антагонизм, образ нового общества конструируется с помощью таких аттракторов, как «дружба» или «дружественный», а также выражений типа «нет антагонистических классов», «отсутствие эксплуататорских классов» и т.п. Используемые аттракторы готовят читателя к вступлению в заключительный этап человеческого развития (коммунизму) – для этой цели используются преимущественно глагольные формы, такие как «преодолеваются», «стираются», «поднята», «исчезнуть», а также понятия «ликвидация», «бесклассовый» и другие.

С другой стороны, обращает на себя внимание довольно агрессивная идея конфликта, разворачивающегося между пролетариатом и пережитками буржуазного общества (аристократией, помещиками, кулаками и т.п.), которая одновременно служит для того, чтобы подчеркнуть особую роль КПСС в процессе социалистической перестройки. Но можно задать следующий вопрос: если советское общество смогло покончить с антагонизмом, эксплуатацией и классовой борьбой и достичь морально-политического единства, то чем можно оправдать дальнейшее существование коммунистической партии? Таких оправдывающих причин, на самом деле, две, и через них устанавливаются связи (*связи 7 и 8*) второго нарративного сюжета с третьим: КПСС будет существовать до тех пор, пока, во-первых, у Советского Союза есть враги, и, во-вторых, пока существует необходимость совершенствования советской системы в преддверии наступления коммунизма.

Нарративный сюжет III: враги советской власти

Последний нарративный сюжет, занимающий «нижнюю» часть дискурсивного пространства, объединяет в себе позиции «буржуазная социология» и «империализм/внутренний враг». Несмотря на то, что в совокупности эти две позиции занимают не более 10% от общего количества знаков рассматриваемых статей «Словаря», они играют важную роль с точки зрения полной реконструкции дискурсивной системы – они создают законченный образ антагониста. Этот антагонизм проявляется прежде всего в теоретическом плане, т.е. в очевидном противостоянии между буржуазной социологией и марксизмом-ленинизмом (*связь 4*). Выше мы уже говорили о семантической нагрузке понятия «буржуазный», которое отождествляется с «антинаучностью». Более того, буржуазное мировоззрение клеймится как «контрреволюционное» или как «ухищрения прислужников империализма», целенаправленно препятствующие тому, чтобы массы осознали свое истинное положение и вели борьбу за революцию в капиталистических странах (*связь 9*).

Враги советской власти также обнаруживаются внутри советской системы, несмотря на то, что в нем положен конец эксплуатации и уничтожена частная собственность на средства производства. Этими врагами являются пережитки старых, лишенных былого влияния общественных классов и люди с отсталым сознанием, которых не удалось воспитать в соответствии с советскими ценностями. Они продолжают думать и действовать в согласии со старыми буржуазными схемами. Кроме того, вследствие присущего диамату монизма пережитки капитализма в СССР рассматриваются как неотъемлемая часть международного империалистического

(контр-)движения. Люди с консервативным сознанием предстают в качестве марионеток капитализма и тем самым представляют собой угрозу советскому строю. И хотя источник этого пагубного влияния лежит за пределами Советского Союза, в зарубежных капиталистических странах, оно действительно представляет собой реальную угрозу, поскольку способно распространяться на отдельных советских граждан.

Таким образом, получается, что официальная точка зрения допускает существование конфликта в социалистическом обществе, но относит его не на счет самой системы (поскольку сама по себе она признается абсолютно гармоничной и внутренне непротиворечивой), а на счет иностранного вмешательства, саботажа или злоумышленных действий, предпринимаемых людьми с отсталым сознанием. Кроме того, этот нарративный сюжет одновременно подкрепляется вторым, в котором освещаются главные черты нового общества и подчеркивается руководящая роль КПСС в его построении – тем самым он как бы легитимирует репрессивную и воспитательную работу, осуществляемую партией в отношении пережитков капитализма (связи 7 и 8).

Схема 8. Дискурсивные связи, рассматриваемые
в сюжете *Враги советской власти*

Примечание:

Связь 9. Переход от буржуазной социологии (II) к империализму/внутреннему врагу (IV) в тексте «Классовая борьба» (2.6, 2.7).

Легитимация социального неравенства как функция дискурсивной системы

Официальная советская идеология также признавала наличие некоторых противоречий внутри социалистического способа производства, которые были обусловлены сохраняющимися естественными различиями между деревней и городом, между физическим и умственным трудом. Однако считалось, что природа этих противоречий, в противоположность капиталистическим, не была антагонистической [Розенталь, Юдин 1955, с. 15–17] и что эти противоречия не могли быть источником социальных конфликтов. Тем не менее признание этих неантагонистических противоречий выполняло особую функцию – оправдания новой системы стратификации, возникшей в 1930-е гг. Как известно, согласно официальной идеологии, в СССР продолжали существовать два класса – рабочие и колхозные крестьяне, а также прослойка интеллигенции (трехчленная структура общества). Классы различались через отношение к двум основным формам социалистической собственности – государственной (или всенародной) и кооперативной соответственно.

В заключительной части статьи мы попытаемся объяснить, как осуществлялась легитимация социального неравенства в сталинскую эпоху, используя рассмотренную выше дискурсивную схему.

Легитимация подчиненного положения крестьян

Прежде всего, вкратце остановимся на основных принципах организации коллективного хозяйства в советском селе.

Колхозные крестьяне не получали ежемесячную зарплату, их работа измерялась трудоднями, которые могли различаться в зависимости от производительности [Matthews 1977, р. 90]. К осени в трудовой книжке каждого крестьянина отмечалось количество отработанных им дней, и тогда же колхоз был обязан сдавать государству часть произведенной им продукции за цену, назначенную государством. Затем власти производили оплату хозяйственной деятельности, и крестьяне получали причитающееся им вознаграждение за работу: в начале 1930-х гг. 66% оплаты колхозам производилось натуральным образом и лишь 34% деньгами [Matthews 1977, р. 91]. Это означает, что во многих случаях крестьяне получали оплату за свой труд частью собранного ими же урожая, находясь в зависимости от прошлогодней выручки и доходов своего частного хозяйства. Условия жизни колхозных крестьян были тяжелыми и по другим причинам: на них не распространялось государственное законодательство, гарантирующее оплачиваемый отпуск, нормированный рабочий день и устанавливающее минимальный возраст для приема на работу. Кроме того, крестьяне не были включены в систему государственного страхования – каждый колхоз сам определял размер пенсий и помощи пожилым и больным людям [Matthews 1977, р. 89], но учитывая хронический недостаток ресурсов в колхозах, и эти задачи в большинстве случаев оставались нерешенными. Наконец, стоит отметить, что и без того невысокое благосостояние крестьян (по сравнению с промышленными рабочими

и городскими специалистами) понижалось через косвенное налогообложение и высокую стоимость эксплуатации машинно-тракторных станций (МТС), которая регулировалась государством.

Уязвимость положения крестьян подчеркивается также следующим обстоятельством. В рамках обсуждаемой выше дискурсивной системы утверждается, что частная собственность на средства производства исторически стоит ближе к коммунистическому порядку, чем, скажем, феодальная, но при этом дальше, чем кооперативно-колхозная. В свою очередь, колхозная собственность ближе к коммунизму, чем частная, но дальше, чем государственная. В работе, посвященной анализу форм собственности в социалистическом обществе, М.В. Колганов обсуждает различия между государственной и кооперативной собственностью: если первая признавалась высшей и ведущей формой в СССР, то колхозная – более простой [Колганов 1953, с. 276–285]. Даже само название – всенародная государственная собственность – имплицитно содержит в себе более позитивную оценку, чем кооперативная, так как подспудно соотносит государство и народ.

В этой статье мы уже отмечали, что коммунистическая идея является светлым мифом, предвещающим ликвидацию общественных классов и переход к социально однородному обществу. Дискурсивная, и тем самым идеологическая, власть этого мифа заключается в способности направлять политические решения и легитимизировать ее последствия. Получается, что сам объективный ход истории диктует, что колхозная собственность (низшая форма) должна превратиться во всенародную (высшая), и тем самым делает легитимным подчиненную экономическую роль крестьян и менее выгодное положение этой социальной группы в системе социальной стратификации. Кроме того, как писал Е.А. Преображенский [Преображенский 2008], значительная часть производимого крестьянами общественного продукта изымалась ради осуществления форсированной индустриализации (а сам процесс экспроприации отождествлялся с процессом первоначального накопления капитала). И, таким образом, с точки зрения официальной идеологии считалось вполне нормальным то, что крестьяне несут «дополнительный вклад» в строительство нового общества, так как форма кооперативной собственности обречена на исчезновение с приближением коммунистической эпохи.

«Новое общество» и закономерность различий между рабочими и интеллигенцией

Концепция «нового общества», которая является самостоятельным нарративным сюжетом рассмотренной выше дискурсивной системы, предполагает, что в советском обществе общественные классы сосуществуют в гармонии, дружбе и сотрудничестве. Эксплуатация уничтожена, а еще существующие противоречия, в отличие от тех, что пронизывают и разрушают капитализм изнутри, постепенно разрешаются по мере продвижения общества к эпохе коммунизма. Но так ли это соответствует марксистской трактовке исторического развития? Ведь акцент на порядке и интеграции в действительности больше соответствует функционалистской парадигме. В официальной советской идеологии конфликтная парадигма используется исключительно для того, чтобы описать то, что происходит в капиталистических обществах, и придать легитимность борьбе с внутренними врагами

советского строя [Ossowski 1972, p. 149]. Функционалистская трактовка советской социальной реальности имеет и другое важное следствие.

После того, как частная собственность будет навсегда изжита и установится плановая экономика, будут созданы необходимые институциональные условия для свободного действия субъектов. Отсылка к еще не совсем совершенному институциональному порядку как бы оправдывает существующее социальное неравенство. Более того, при таком порядке социальное положение субъекта предстает не столько как следствие его социального происхождения или в целом несправедливости социально-экономической системы (капитализма), сколько как продукт его личной деятельности. Советская идеология рассматривает СССР как самое меритократическое из всех существующих обществ, где любой человек может претендовать на любое место в системе, будучи ограниченным только личными качествами и способностями. Стратификационная иерархия, рассматриваемая с этой точки зрения, напоминает собой своеобразный рейтинг спортивных достижений, где каждый занимает место сообразно вложенным усилиям и конечному результату при условии соблюдения равенства условий и возможностей [Ossowski 1972, pp. 148–149]. Идея «нового общества», таким образом, становится центральной для оправдания растущего неравенства в Советском Союзе (см. [Chapman 1963]), которое было спровоцировано ускоренной индустриализацией и проявлялось по крайней мере в двух сферах.

1) *Поощрение сдельной работы в промышленности и увеличение вознаграждений, завязанных на результат*¹⁰. Сдельная оплата труда была широко распространена в промышленной сфере и применялась по отношению к рабочим, тогда как среди технического и руководящего персонала заработная плата ставилась в зависимость от выполнения поставленных задач. Сдельная оплата труда позволяла рационализировать использование ресурсов – станков, инструментов, используемого в производстве сырья и времени. Кроме того, она способствовала росту социалистической конкуренции: чем выше производительность, тем выше зарплата. В 1953 г. 77% промышленных рабочих получали зарплату по сдельно-премиальной системе [Островитянов, Шенников, Леонтьев, Лаптев, Кузьминов, Гатовский 1954, с. 456]. Что касается премий (поощрявших работников в зависимости от результатов), И. Берлинер указывает, что если в 1934 г. они составляли только 4% от зарплаты руководящего состава, то уже в 1940 г. эта доля выросла до 11%, а во время Второй мировой войны до 30%. Также увеличилась частота выплаты премиальных: если в 1931 г. подобные выплаты разрешались только раз в квартал, то в 1947 г. они стали ежемесячными.

Социолог-веберианец Ф. Паркин [Parkin 1978, p. 216] утверждает, что советская налоговая политика и очевидный рост неравенства в оплате труда¹¹ сыграли

¹⁰ Капустин иллюстрирует изменения в области заработной платы. «В связи с недостатком квалифицированных кадров в народном хозяйстве потребовалось усилить дифференциацию в размерах заработной платы исходя из сложности труда. Для этого в 30-х годах было расширено соотношение ставок крайних разрядов с 1:2 до 1:3,8. В ряде отраслей машиностроения были введены 8-разрядные тарифные сетки с соотношением крайних разрядов 1:3,6. По некоторым отраслями соотношение ставок крайних разрядов тарифных сеток достигло 1:4,4» [Капустин 1974, с. 261].

¹¹ Официальный учебник по политической экономии утверждает, что «уравниловка является выражением мелкобуржуазного представления о социализме, как о всеобщем поранении в области потребления, жизненных условий, вкусов, потребностей. Она наносит большой ущерб производству, приводят к текучести кадров, к снижению производительности труда, невыполнению планов» [Островитянов, Шенников, Леонтьев, Лаптев, Кузьминов, Гатовский 1954, с. 432].

решающую роль в осуществлении индустриализации или в том, что на марксистском языке получило название «развитие производительных сил».

«В начале тридцатых годов Сталин инициировал широкомасштабную кампанию против уравнилельных принципов при установлении заработной платы. Он настаивал на том, что необходимо лучше поощрять квалифицированных рабочих, технические кадры и административный персонал, оправдывая это тем, что в противном случае никто не стал бы всерьез совершенствовать свое мастерство и брать на себя дополнительную ответственность <...>. В результате распределение доходов в Советском Союзе стало одним из самых неравных во всем промышленно развитом мире. В сороковые годы неравенство продолжало расти. Был отменен налог от доходов на наследство, принятый в 1926 году, а также приняты дополнительные фискальные реформы в интересах наиболее оплачиваемых групп советского общества» [Parkin 1978, p. 216].

2) *Административный контроль над распределением.* Монополия государства на распределение общественного продукта частично обесценивала денежные средства, поскольку в этих условиях последние не всегда гарантировали доступ к дефицитным благам и услугам. На то, что социальное положение является не менее важной «валютой» в подобной системе отношений, в частности указывали Миланович и Файджес. Первый писал о том, что подобными преимуществами могли пользоваться работники, занятые на определенных специальностях и должностях [Milanovic 2012, p. 78], а Файджес подчеркивал, что доступность материальных благ в значительной степени была обусловлена положением, занимаемым лицом во властной иерархии [Figes 2009, p. 262]. Ровно в этом же ключе О.И. Шкаратан, основываясь на теории В. Теккенберга [Teckenberg 1981–1982], развивает общую идею этакратического или сословно-корпоративного общества, по-своему воспроизведенного в советском обществе: он также пишет о существовании социально-профессиональных групп, довольствовавшихся особыми привилегиями и относительной автономией по отношению к центральной власти. Эти сословно-корпоративные группы в некоторых своих чертах были похожи на средневековые гильдии с более-менее четко выстроенной внутренней иерархией, проявлявшейся в дифференциации заработной платы и социальных статусов [Шкаратан 2009, с. 84–85].

Но что важно отметить, так это то, что в общем и целом официальная идеология допускала дифференциацию заработной платы и доходов в зависимости от того, насколько та или иная специальность или должность (или социальная группа) представлялась важной для решения тех задач, которые стоят перед социалистическим обществом в процессе построения коммунизма.

Заключение. Легитимирующая роль идеологии

Как ни парадоксально это звучит, официальная советская идеология действительно стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем. Она стремилась доказать, что постоянный рост производительных сил, обеспечиваемый политикой социалистического планирования, должен в конечном счете обеспечить техническую и экономическую базу

для перехода к коммунизму. В свою очередь, для развития этих производительных сил была необходима система материальных стимулов, создаваемая неравным распределением товаров и услуг.

Анализ символических и легитимирующих аспектов идеологии позволяет понять то, как на самом деле функционирует и воспроизводится любая социальная структура. К сожалению, в общественных науках представление об идеологии по-прежнему является редукционистским – зачастую она рассматривается исключительно как стремление господствующих классов навязать фальшивое сознание народным массам. Но если признать, что идеология играет эту манипуляционную функцию, нельзя пренебрегать тем, что в ней может иметь место вполне объективная, правдивая составляющая. Ложь становится особенно эффективной в тех случаях, когда в ней содержатся некоторые элементы истины, позволяющие сделать обман правдоподобным и убедительным, а если лежащая в ее основе система дискурсов будет противоречивой и непоследовательной и не будет иметь связи с объективной реальностью, то она не сможет завладеть сознанием большой группы людей. Именно поэтому так важно научиться отличать полуправдивую, основанную и выстраиваемую на успехе пропаганды философию от истинно научной [Esquinas 2010]. Задача настоящей статьи состояла именно в этом: используя методы качественного анализа, показать, как советская идеология смогла убедить в своей правоте миллионы людей внутри и за пределами Советского Союза при том, что она одновременно служила эффективным инструментом легитимации социальных различий и подавления социальных конфликтов, присущих новому порядку, и смогла просуществовать на протяжении долгого времени.

Литература

- Капустин Е.И. (1974) Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // Волков А.П. (ред.) Труд и заработная плата в СССР. М.: Экономика. С. 247–272.
- Колганов М.В. (1953) Собственность в социалистическом обществе. М.: Издательство академии наук СССР.
- Мусихин Г.И. (2011) Дискурсивный анализ идеологий: возможность и ограничения // Полис. № 5. С. 128–144.
- Осипов Г.В. (ред.) (2003) Рабочая книга социолога. М.: Издательство УРСС.
- Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лаптев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. (1954) Политическая экономия. М.: ГИПЛ.
- Преображенский Е.А. (2008) Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. В 2-х тт. М.: Московский глвархив.
- Розенталь М.М., Юдин П.Ф. (ред.) (1955) Краткий философский словарь. М.: ГИПЛ.
- Шкараган О.И. и коллектив (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА медиа групп.
- Яковлев А.А. (2012) Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества: применение новых подходов Д. Норта к анализу исторического опыта СССР // Мир России. № 4. С. 154–167.
- Berger P.L., Luckmann T. (1966) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Anchor Books.
- Bourdieu P. (2008) Cuestiones de sociología. Madrid: Istmo/Akal.
- Conde Gutiérrez del Álamo F. (2009) Análisis sociológico del sistema de discursos. Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas.
- Crompton R. (1997) Clase y estratificación. Una introducción a los debates actuales. Madrid: Tecnos.

- Chapman J. (1963) *Real Wages in Soviet Russia since 1928*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press.
- Esquinas Algaba J.R. (2010) Base y superestructura en el materialismo dialéctico. Exposición y crítica desde el materialismo filosófico // *El Catoblepas*, no 98 // <http://www.nodulo.org/ec/2010/n098p17.htm>
- Figes O. (2009) *Los que susurran. La represión en la Rusia de Stalin*. Barcelona: Edhasa.
- Lenin V.I. (1966) *Materialismo y Empirocriticismo*. Montevideo: Ediciones Pueblos Reunidos.
- Matthews M. (1977) *Clases y sociedad en la Unión Soviética*. Madrid: Alianza.
- Matthews M. (1978) *Privilege in Soviet Union*. London: Allen & Unwin LTD.
- Milanovic B. (2012) *Los que tienen y los que no tienen*. Madrid: Alianza.
- Ossowski S. (1972) *Estructura de clases y conciencia social*. Barcelona: Península.
- Parkin F. (1978) *Orden político y desigualdades de clase. Estratificación social de las sociedades capitalista y comunista*. Madrid: Debate.
- Philipov A. (1953) *The Concise Philosophical Dictionary: A critical review*. New York: Research Program on the USSR.
- Rocher G. (1978) *Introducción a la sociología general*. Barcelona: Herder.
- Teckenberg W. (1981–1982) The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // *International Journal of Sociology*, vol. 11, no 4, pp. 1–163.
- Valdera Gil J.M. (2013) Social Inequality under Soviet Ideology: Analysis of the Discourse System in the Film “Moscow Does not Believe in Tears” // *The International Journal of Interdisciplinary Cultural Studies*, no 7 // <http://juanmiguelvalderagil.cgpublisher.com/product/pub.268/prod.14>
- Valdera Gil, J.M., Valdera Gil F.J. (2014) Ideological Socialisation in the Childhood: Cheburashka // *Mundo Eslovo*, no 13 // <http://www.mundoeslavo.com/index.php/meslav/article/view/167>
- Van Dijk T. (2003) *Ideología y discurso*. Barcelona: Ariel // <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (англоязычная версия)
- Voloshinov V.A. (2009) *El marxismo y la filosofía del lenguaje*. Buenos Aires: Godot.

The Legitimation of Social Inequality in Soviet Ideology During the Stalin Era

J.M. VALDERA GIL*

***Juan Miguel Valdera Gil** – Ph.D. in Sociology, Department of Sociology, University of Granada, Rector López Argüeta Street. 18.071- Granada. Spain. E-mail: valgil@ugr.es

Citation: Valdera Gil J.M. (2015) The Legitimation of Social Inequality in Soviet Ideology During the Stalin Era. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 29–59 (in Russian)

Abstract

This paper analyses the aspects of Soviet ideology related to social inequality during the Stalin era. It shows how this ideology legitimised social inequality, which emerged

in the USSR following the social transformations in the 1930s: collectivization, accelerated industrialization, the adoption of a centrally planned economy and attempts to regulate the social structure.

In carrying out this analysis the author applies the analytical method designed by Spanish sociologist Fernando Conde.

The analysis is grounded in an in-depth study of four entries related to social inequality from the 1955 edition of the famous Philosophical Dictionary by Rozental and Yudin. This dictionary was first published in 1939 with five further editions in 1940, 1951, 1952, 1954, and 1955; in 1963 a new abridged version was published to comply with the new philosophy of the ruling Communist party. This dictionary can be regarded as the quintessence of Soviet ideology and the official viewpoint on various social phenomena. The entries selected for the analysis are: “class-in-itself and class-for-itself”, “class struggle”, “social classes”, “social classes in the USSR”.

A qualitative analysis of these four entries reveals that the official Soviet ideology justified the existing social inequality (if only as a temporary phenomenon) by describing it as a necessary step towards the absolute elimination of inequality in the communist future. It was necessary to maintain the growth of production needed to accumulate sufficient economic power for the transition to communism. In other words, the production of material goods and their uneven distribution was used to encourage the development of labour.

Keywords: socio-discursive analysis, dialectic materialism, historical materialism, social order, the tripartite structure of society, enemies of the soviet state, communism

References

- Berger P.L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Anchor Books.
- Bourdieu P. (2008) *Cuestiones de sociología* [Sociology in Question], Madrid: Istmo/Akal.
- Conde Gutiérrez del Álamo F. (2009). *Análisis sociológico del sistema de discursos* [Sociological Analysis of Discourse Systems], Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas.
- Crompton R. (1997) *Clase y estratificación. Una introducción a los debates actuales* [Class and Stratification. An Introduction to Current Debates], Madrid: Tecnos.
- Chapman J. (1963) *Real Wages in Soviet Russia since 1928*, Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press.
- Esquinas Algaba J.R. (2010) Base y superestructura en el materialismo dialéctico. Exposición y crítica desde el materialismo filosófico [Base and Superstructure in the Dialectical Materialism. Exposition and Critic from the Philosophical Materialism]. *El Catoblepas*, no 98. Available at: <http://www.nodulo.org/ec/2010/n098p17.htm>, accessed 20 June 2015.
- Figes O. (2009) *Los que susurran. La represión en la Rusia de Stalin* [The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia], Barcelona: Edhasa.
- Kapustin E.I. (1974) Tarifnaya sistema i ee rol' v organizatsii i regulirovanii zarabotnoi platy [Tariff System and its Role in Organization and Regulation of Salary]. *Trud i zarabotnaya plata v SSSR* [Work and Salary in USSR] (ed. Volkov A.P.), Moscow: Ekonomika, pp. 247–272
- Kolganov M.V. (1953) *Sobstvennost' v sotsialisticheskoy obshchestve* [Property in Socialist Society], Moscow: Izdatelstvo akademii nauk SSSR.
- Lenin V.I. (1966) *Materialismo y empiriocriticismo* [Materialism and Empiro-criticism], Montevideo: Ediciones Pueblos Reunidos.

- Matthews M. (1977) *Clases y sociedad en la Unión Soviética* [Class and Society in Soviet Union], Madrid: Alianza.
- Matthews M. (1978) *Privilege in Soviet Union*, London: Allen & Unwin LTD.
- Milanovic B. (2012) *Los que tienen y los que no tienen* [The Haves and the Have-nots], Madrid: Alianza
- Musikhin G.I. (2011). Diskursivnyy analiz ideologii: vozmozhnost' i ogranicheniya [Discursive Analysis of Ideology: Possibility and Limits. *Polis*, no 5, pp. 128–144.
- Osipov G.V. (ed.) (2003) *Rabochaya kniga sotsiologa* [The Working Book of the Sociologist], Moscow: URSS.
- Ossowski S. (1972) *Estructura de clases y conciencia social* [Class Structure in the Social Consciousness], Barcelona: Península.
- Ostrovityanov K.V., Shepilov D.T., Leont'ev L.A., Laptev I.D., Kuz'minov I.I., Gatovskii L.M. (1954) *Politicheskaya Ekonomiya* [Political Economy], Moscow: GIPL.
- Parkin F. (1978) *Orden político y desigualdades de clase. Estratificación social de las sociedades capitalista y comunista* [Class Inequality and Political Order. Social Stratification in Capitalist and Communist Societies], Madrid: Debate.
- Philipov A. (1953) *The Concise Philosophical Dictionary: A Critical Review*, New York: Research Program on the USSR.
- Preobrazhenskii E.A. (2008) *Novaya Ekonomika (Teoriya i praktika): 1922–1928. V dvukh tomakh* [New Economy (Theory and Practice): 1922–1928. In 2 volumes], Moscow: Moskovskii glavarkhiv.
- Rocher G. (1978) *Introducción a la sociología general* [A General Introduction to Sociology], Barcelona: Herder.
- Rozental' M.M., Yudin P.F. (eds.) (1955) *Kratkii filosofskii slovar'* [Concise Philosophical Dictionary], Moscow: GIPL.
- Shkaratan O.I. i kollektiv (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Socio-economic Inequality and Its Reproduction in the Present Russia], Moscow: Olma Media Group.
- Teckenberg W. (1981–1982) The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? *International Journal of Sociology*, vol. 11, no 4, pp. 1–163.
- Valdera Gil J.M. (2013) Social Inequality Under Soviet Ideology: Analysis of the Discourse System in the film “Moscow Does not Believe in Tears”. *The International Journal of Interdisciplinary Cultural Studies*, no 7. Available at: <http://juanmiguelvalderagil.cgpublisher.com/product/pub.268/prod.14>, accessed 20 June 2015.
- Valdera Gil J.M., Valdera Gil F.J. (2014) Ideological Socialisation in the Childhood: Cheburashka. *Mundo Eslavo*, no 13. Available at: <http://www.mundoeslavo.com/index.php/meslav/article/view/167>, accessed 20 June 2015.
- Van Dijk T. (2003) *Ideología y discurso* [Ideology and Discourse], Barcelona: Ariel.
- Voloshinov V.A. (2009) *El marxismo y la filosofía del lenguaje* [Marxism and the Philosophy of Language], Buenos Aires: Godot.
- Yakovlev A.A. (2012) Kommunisticheskie ubezhdeniya i ikh vliyanie na razvitie ekonomiki i obshchestva: primeneniye novykh podkhodov D. Norta k analizu istoricheskogo opyta SSSR [Communist Convictions and Their Influence in the Growth of Economic and Society: the Application of the New Approaches of D. Nort to the Analysis of the Historical Experience of the USSR]. *Mir Rossii*, vol. 21, no 4, pp. 154–167.